

ISSN 0131-5587

ПРОСТОР

3' 2013

Валерий Михайлов

ОДИН МЕЖ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

НОВЫЕ главы

Габбас Кабышулы

«В СЕНИ ТВОЕЙ МНЕ НЕ НАШЛОСЬ ПРИЮТА...»

Ольга Григорьева

НА ОСТРОВЕ

эций традиции
художником
их царей,
и
и цивилизации.
андру Невскому,
ии.
оссийских.
а Москвитина.

1612 год.

Март 2013

ПРОСТОР

Литературно-художественный
ежемесячный журнал

ИЗДАЕТСЯ С 1933 ГОДА

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана»
и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель Совета редакторов
Нурлан ОРАЗАЛИН

ПОЭЗИЯ

- Ольга ГРИГОРЬЕВА. На острове 3
Гульнара АУТОВА. Река времен 102
Кайрат БАКБЕРГЕНОВ. Междуречье 131
Евгений РОСЛЯКОВ. «Я вернусь, покаюсь...» 152

ПРОЗА

- Валерий МИХАЙЛОВ. Один меж небом и землёй 6
Габбас КАБЫШУЛЫ. «В сени твоей мне не нашлось приюта...» 105
Дина АБИЛОВА. Любовь-мусульманка. Сюйэми.
Восточный аполог. Рассказы 154

КРИТИКА

- Геннадий КРАСНИКОВ. «Отечество Пушкина в опасности!..» 141
Ольга АБИШЕВА. Италия Бориса Зайцева 157

157 ✓

ОЧЕРК

Виктор ТЕЙФЕЛЬ. Судьбы моей планеты 162

КУЛЬТУРА

Светлана ДЖАНСЕИТОВА. О гармонии сфер

Интеграция средств выразительности в искусстве175

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ. Матрона Московская..... 179

УЛЫБКА ПЕГАСА

Андрей ЭЛ. Кукиш с маслом 190

Исполнительный директор Жанарбек АШИМЖАН

Главный редактор Валерий МИХАЙЛОВ

<i>Заместитель главного редактора</i>	П.Д. Поминов
<i>Отдел поэзии</i>	Н.М.Чернова
<i>Отдел прозы</i>	К.С. Бакбергенев
<i>Отдел культуры</i>	Л.К.Шашкова
<i>Отдел критики</i>	О.К.Абишева
<i>Художественно-технический отдел. Дизайн</i>	С.Н.Макаренко
<i>Корректор</i>	О.И.Горун
<i>Оператор</i>	С.С.Кезбаева

Дежурный редактор О.К.Абишева

Адрес редакции: 050000, Алматы, проспект Абылай хана, 105, 1-й этаж

Телефоны: отделы – 8 (727) 272-87-74, секретариат – 8 (727) 272-86-06

Материалы, публикуемые в журнале, отражают только точку зрения автора. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Рукописи в редакцию журнала сдаются в электронном виде и распечатанные на бумаге.

Журнал прошел перерегистрацию в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан и получил удостоверение № 7349-Ж, от 4 июня 2006 года.

Наш электронный адрес: <http://prostor.ucoz.ru> www.writes.kz

<http://www.prstr.narod.ru> e-mail: prstr@mail.ru

Журнал “Простор” в розницу можно купить в редакции.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. листов 12,0. Уч.-изд. л. 16,8.

Тираж 1107 экз. Заказ № 257. Набрано и сверстано в КЦ журнала “Простор”.

Сдано в типографию 25. 2. 2013 г. Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АО “Алматы-Болашак”. Алматы, ул. Муканова, 223^б. Тел.: 378-36-46.

Алматы © “Простор”, № 3, 2013. При перепечатке ссылка на «Простор» обязательна.

ISSN 0131-5587

Дож.
Плёт
Здесь
За эт
Как
С во
Сам
Сам
В пы
Выр
Люди
Толь
Глян
Вот
Мат
Жар
Мол
Врем
Сидя
Мари

По д
он у
Но у

И не
этот
Савл
по д
Он о
Ужас
И не

Но в
небес
освет

По д

*Ольга
Абишева*

ИТАЛИЯ Бориса Зайцева

Известность пришла к Борису Николаевичу Зайцеву еще до революции, до многотрудной жизни в эмиграции. Первую книгу рассказов писатель выпустил в начале XX века. Это были сборник «Рассказы» (1906), трижды переиздававшийся, и повесть «Голубая звезда», на которую обратили внимание самые авторитетные критики начала XX века. Вместе с единомышленниками он организовал «Книгоиздательство писателей в Москве», где вышло первое собрание сочинений писателя в семи томах (1912-1917). Но по-настоящему Б. Зайцев заявляет о себе в эмиграции. Он жил в Праге, Берлине, в Италии, во Франции. В разных местах были созданы его «Золотой узор», «Дом в Пасси», «Заря», трилогия «Путешествие Глеба», «Преподобный Сергей Радонежский». Он вернулся на родину своими произведениями сравнительно поздно. Сначала небольшим сборником повестей и рассказов в 1989 году и только в 2001 году — собранием сочинений. Самой важной темой для писателя была тема России. О чем бы он ни писал — роман о жизни русских эмигрантов или литературно-художественные биографии русских классиков (Жуковский, Чехов), о величайшем подвижнике русской земли преподобном Сергии Радонежском, либо, стряхнув наваждение, снова погружался в жизнь и теплоту родного дома (трилогия «Путешествие Глеба») — главной и постоянной темой в творчестве Б. Зайцева была Россия. Другая страна, которую он любил, была Италия. Он был одержим ею, восхищался ее богатым историческим прошлым, ощущал как творческую родину многих художников и постоянно возвращался в Италию подышать ее вольным воздухом. Она вдохновляла его величием своего прошлого, архитектурными творениями, бесценными живописными полотнами. Он совершил четыре путешествия в Италию, возвращаясь к ней вновь и вновь, и даже поселился на длительное время в 1907-11 годы.

Цикл путевых очерков Б.К. Зайцева «Италия» (1907—1920), сложившийся в результате его путешествий в Италию, отличается насыщенность философской проблематикой. Итальянский цикл интересен и показателен тем, что в нем, может быть, наиболее выпукло и обостренно выступило ощущение бесконечного разнообразия жизни, неисчислимой полноты существования. Это чувство связано с чисто художественным ощущением неисчерпаемости жизни во всех ее проявлениях.

Трепетное отношение к Италии, постоянное стремление в эту страну, граничившее подчас с одержимостью, наличествует в письмах писателя и в его мемуарах, но самое яркое отражение оно нашло в названном цикле очерков, итоге четырех поездок в Италию. Итальянский цикл Б. Зайцева включает философско-эстетическое восприятие страны, ее истории и культуры, имеющее особенное значение в контексте философского мышления писателя и неореализма в целом. Художник сроднился с Италией чувством общей человеческой отчизны. Очерки

цикла объединены одной проблемой, они возникли как результат соприкосновения внутренней жизни художника с культурой Италии. Особый художественный мир сборника Зайцева возник вокруг идеи красоты, которая концентрирует в себе и собирает в фокус эстетические поиски художника. В очерках, посвященных прекрасным городам Италии — Венеции, Флоренции, Риму, Генуе, Фьезоле, Пизе, Ассизам и др., ярко выражен лирический элемент цикла.

В Риме путешественник ощущает живые тени исторических событий. Стилевые формы классической эпохи, творческая манера мастеров содержат для автора уроки античного Рима. Художник отмечает, как разумны формы и пропорции древней архитектуры. Его приводит в восхищение пластичность, строгая пропорциональность их частей, симметричность, органичность залов с купольными сводами, колоннами и порталами, монументальность и благородство форм, отмеченных печатью высокого классического искусства. Впечатление от города сопоставимо с впечатлением от величественно-героической симфонии. На страницах цикла очерков возникает образ загадочного, великого и одновременно меланхолического Рима. Это ощущение появляется от созерцания строгих очертаний Форума, высокого благородства стиля средневековых храмов, символического величия купола собора святого Петра, являющегося образом гармонии и музыкальности. Рим (и особенно Ватикан) в ощущениях путешественника грандиозен, но парадно холоден. По наблюдению Зайцева, в Риме нет ничего женственного, нет светлой нежности, воздушности, очарования, как в чувстве Флоренции, слишком он грозен, трагичен.

Он, по мысли путешественника, вобрал в себя традиционные черты римской государственности и римской культуры. Автор знакомится с древнехристианскими базиликами, в центре Рима и его окрестностях изучает руины грандиозных комплексов древнего Рима. В его глазах эти простые здания из кирпича и камня своими гармоническими пропорциями, высоким благородством стиля, строгостью и изяществом и классическими формами воплощают «дух Рима».

Все передвижения путешественника по Италии, посещения разных городов похожи не на обыкновенные экскурсии, а на глубоко страстное постижение сокровенного «духа Рима», духа Италии. Непосредственное восприятие памятников разных эпох, живых и не потерявших энергии их создателей, разгадывание секретов мастерства их творцов, исходившее от них живое дыхание истории стимулировали творческое воображение художника, побуждая вновь и вновь возвращаться в Италию.

В итальянских очерках Зайцева неподражаемо великолепие сияющей в своем блеске Венеции, предстающей перед глазами путника во всей своей торжественности. Пристально всматриваясь в ее знаменитые соборы, зеленые воды каналов, гондолы, мост Риальто, автор описывает чувство невыразимо прекрасного, идущее от исторической глубины города, восхищающей и трогательной бессмертным искусством Веронезе и Тициана, Джорджоне и Тинторетто.

Венецианские палаццо, их архитектурная эстетика, стиль и композиция, в которых проявилась творческая натура их создателей, представляют собой великолепие сиятельной Венеции, «сплав отшумевших, вкушенных наслаждений, сыгранных торжеств». В «Италии» Б. Зайцев, обнаруживая все «живое» в истории и мире, развивает свою точку зрения на сохранение живой исторической традиции. Жизненной силой для него переполнен весь окружающий мир — восхищается ли он ночной меланхолией Венеции, яркостью ее дневного очарования, красотой кружевного дворца Дожей или изяществом венецианских девушек из династии знаменитых дзендалетти, столь же древней,

цикла объединены одной проблемой, они возникли как результат соприкосновения внутренней жизни художника с культурой Италии. Особый художественный мир сборника Зайцева возник вокруг идеи красоты, которая концентрирует в себе и собирает в фокус эстетические поиски художника. В очерках, посвященных прекрасным городам Италии — Венеции, Флоренции, Риму, Генуе, Фьезоле, Пизе, Ассизам и др., ярко выражен лирический элемент цикла.

В Риме путешественник ощущает живые тени исторических событий. Стилевые формы классической эпохи, творческая манера мастеров содержат для автора уроки античного Рима. Художник отмечает, как разумны формы и пропорции древней архитектуры. Его приводит в восхищение пластичность, строгая пропорциональность их частей, симметричность, органичность залов с купольными сводами, колоннами и порталами, монументальность и благородство форм, отмеченных печатью высокого классического искусства. Впечатление от города сопоставимо с впечатлением от величественно-героической симфонии. На страницах цикла очерков возникает образ загадочного, великого и одновременно меланхолического Рима. Это ощущение появляется от созерцания строгих очертаний Форума, высокого благородства стиля средневековых храмов, символического величия купола собора святого Петра, являющегося образом гармонии и музыкальности. Рим (и особенно Ватикан) в ощущениях путешественника грандиозен, но парадно холоден. По наблюдению Зайцева, в Риме нет ничего женственного, нет светлой нежности, воздушности, очарования, как в чувстве Флоренции, слишком он грозен, трагичен.

Он, по мысли путешественника, вобрал в себя традиционные черты римской государственности и римской культуры. Автор знакомится с древнехристианскими базиликами, в центре Рима и его окрестностях изучает руины грандиозных комплексов древнего Рима. В его глазах эти простые здания из кирпича и камня своими гармоническими пропорциями, высоким благородством стиля, строгостью и изяществом и классическими формами воплощают «дух Рима».

Все передвижения путешественника по Италии, посещения разных городов похожи не на обыкновенные экскурсии, а на глубоко страстное постижение сокровенного «духа Рима», духа Италии. Непосредственное восприятие памятников разных эпох, живых и не потерявших энергии их создателей, разгадывание секретов мастерства их творцов, исходившее от них живое дыхание истории стимулировали творческое воображение художника, побуждая вновь и вновь возвращаться в Италию.

В итальянских очерках Зайцева неподражаемо великолепия сияющей в своем блеске Венеции, предстающей перед глазами путника во всей своей торжественности. Пристально всматриваясь в ее знаменитые соборы, зеленые воды каналов, гондолы, мост Риальто, автор описывает чувство невыразимо прекрасного, идущее от исторической глубины города, восхищающей и трогательной бессмертным искусством Веронезе и Тициана, Джорджоне и Тинторетто.

Венецианские палаццо, их архитектурная эстетика, стиль и композиция, в которых проявилась творческая натура их создателей, представляют собой великолепие сиятельной Венеции, «сплав отшумевших, вкушенных наслаждений, сыгранных торжеств». В «Италии» Б. Зайцев, обнаруживая все «живое» в истории и мире, развивает свою точку зрения на сохранение живой исторической традиции. Жизненной силой для него переполнен весь окружающий мир — восхищается ли он ночной меланхолией Венеции, яркостью ее дневного очарования, красотой кружевного дворца Дожей или изяществом венецианских девушек из династии знаменитых дзендалетти, столь же древней,

как династия гондольеров. «Жизненность», полнота жизни ощущается почти на каждой странице книги об Италии, относясь то к архитектуре, то к памятникам, то к ландшафту, светящимся страстной жизненной силой. Описывая полуготический, полувизантийский храм святого Марка в Венеции, путешественник отмечает, что тот — воплощенный облик города, «древний, но живой, лишенный холода. Все в нем *живое* — и сама прохлада, будто влажность воздуха под его сводами, и выхоженные мозаики полов, <...> и таинственный сумрак грандиозной розетки» [1].

В итальянском цикле Б. Зайцева полнота жизни суть одухотворенная форма искусства, интенсивное переживание красоты мира. Художник ощущает, что некая духовная работа, начатая человеком одной эпохи, его чувство, мысль не оборвались, а находят продолжение, существование в совсем другой эпохе.

С образом Венеции связана неодолимая тяга к вечному празднику, которую вызывает чувство полноты жизни. В очерке, посвященном Венеции, автор указывает на утонченность, роскошь и изящество как на индивидуальную черту города, выделяемую и Павлом Муратовым в «Образах Италии», отмеченную и другими русским художниками, любившими Италию и высказавшими к ней свою любовь. Теоретик импрессионизма Р. Гаман писал: «Венеция всегда будет местом, где обольщаются чувства, пребывание в котором сулит наслаждение. Это город совершеннейшего эстетизма, город, необычайно культивирующий жизнь чувств» [2]. Отсюда — неисчислимая роскошь, пышность, знаменитые венецианские карнавалы; а из всех красок жизни, преобладающими в очерке о Венеции, являются цвета золота и парчи.

Итальянский цикл Зайцева пронизывает мысль о нераздельности жизни и смерти, их глубинной связи. Лучшие страницы книги путешествий отмечены размышлениями скоротечности жизни, потому что именно в Венеции художник остро чувствует дыхание смерти: «Нет острее ночной меланхолии Венеции, как нет ярче дневного ее очарования. Нет пронзительнее контраста между золотом Тициана и волной хаоса, между вихрем бала, блеском роскоши и молодости, красоты, плесками пенящегося вина, игрой улыбок, нежностью движений и великой безглагольностью полночных вод. Венеция, двулика, остроразящая, радостно-скорбная, — *temento mori* над всегдашним карнавалом жизни» [1, 3, 434].

Городом, вызывающим мысли о нетленности, вечности всего окружающего, является светло-розовая божественная Флоренция, связываемая в сознании автора с духом бессмертия и вечной красоты. Зайцев очарован гармоничностью древнего города, ее ионической, эллинской кругообразностью, царственно-флорентийской простотой, христианством, которым многое осветлено. Он пытается постигнуть одухотворенную красоту города, тайну гармонического соединения в нем материального и духовного, земного и божественного, созерцая нетленную красоту, созданную человеческим гением и существующую как бы наперекор кровавому хаосу истории. Восхищение автора вызывает непосредственное восприятие произведений живописи и скульптуры, городов и их архитектуры: площади Собора, площади и дворца Синьории, собора Святого креста, полотен галереи Уффици, средневековых костелов-крепостей, великой капеллы Медичи, монастыря Святого Марка, легких светлых улочек и рынков, на которых крестьяне-тосканцы торгуют овощами: «Тебе, Флоренция! Тебе, таинственная родина души, — с первого взгляда узнанная, с первого дыхания полюбленная; тебе, молодость озарившая; счастьеподавательница; тебе, о ком мечта оживляет сердце, — тебе привет, тебе любовь» [1, 3, 458].

В художественном облике Флоренции, созданном Зайцевым, много кра-

сок, в ее регистре много нот, как и в ее искусстве, давшем миру Беато Анджелико, Петрарку, Данте. Дух бессмертия и вечной красоты подпитывается творческой энергетикой полотен Боттичелли, Рафаэля, Беато фра Анджелико, Филиппо Липпи; фресок соборов, выполненных Джотто, Чилабуэ, Мазаччо и др. История города знает времена папы Александра VI и Саванароллы, политических заговоров против царствующих династий. Но город пережил вознесение, победы и гибель своих властителей и триумфаторов, диктовавших свою волю, опиравшихся не на моральный авторитет, а на силу, потому что не они были истинными победителями смерти. Бессмертие Флоренции — в ее великом и стихийно светлом художнике Сандро Боттичелли, вечность города — во флорентийской школе живописи, в поэзии Петрарки и Данте. Прекрасное, по мысли Зайцева, существует вечно, оно не уничтожимо, не убывает. Осматривая соборы, цветные витражи, готические своды, коричневые аркады, напоминающие о тайнах вечности, автор задается вопросом: «Бродил ли Данте тут?» Высокий идеал поэта, нравственный смысл его творчества накладывают отпечаток на размышления о красоте в очерке, посвященном этому городу. Он оставляет ощущение ритма и стройности, в нем царит дух бессмертия и вечной красоты: «<...> тлен не может коснуться этого города, ибо какая-то нетленная идея воплотилась в нем и несет жизнь», — пишет автор о своем ощущении Флоренции [1, 3, 441–442].

Любое путешествие для художника ориентировано на открытия, но не только посещаемой им страны, ее культуры, истории, религии, но и постижение самого себя, на поиск нравственных начал. Внимательный, углубленный взгляд художника на природу, историю, человеческие взаимоотношения, на устройство жизни в итальянских городах и селениях приводит к философским размышлениям о гармонии, красоте, искусстве, о высоком человеческом духе, создавшем его. «Для Зайцева и человек и мир одновременно и микро- и макрокосмичны: за всем он видит «какое-то подсознательное, неуловимое ощущение божественной иконы мира, его неомраченных световых истоков», — отмечает современный исследователь.

В итальянской прозе Зайцева авторское «я» проявляется в неустанном утверждении идеи неисчерпаемости красоты окружающего мира. В его поэтической системе, лишенной онтологической и метафизической конфликтности, оценочная шкала предпочтений основывается на качестве внутренних переживаний эстетического и эмоционального характера. Именно за счет личного восприятия действительности происходит экстенсивное расширение познаваемой реальности. Раздвигая исторические и временные границы изображаемого, повествователь углубляется в далекое прошлое, обогащая свой личный опыт и вкус стремлением поэтически соотнестись с прекрасной действительностью: «идя из себя», возвратиться, приобщившись к другой культуре, к себе», — отмечает А. Романович [3]. Художник воспринимает жизнь в любом ее проявлении, как нечто пытающееся стать, возникнуть, обозначиться, оформиться и укрепиться. В основе цикла лежит утверждение нравственного смысла искусства.

На другом полюсе очерков — Генуя, воплощение человеческой активности, энергии, страстной, действенной силы, обнаруживающейся в яркой и мажорно-солнечной колористике очерка. Если Рим и Флоренция оставляют у путешественника ощущение культуры как традиции, как выражение подлинной духовности, то виды Генуи носят следы помпезно-купеческой безвкусицы ее основателей, «бойкой, ловкой, грубоватой и безжалостной династии», проявившейся в дисгармоничности его общего облика. Жизнь портового города, основанного купцами, овевана морем, он живет своей стихийной

неугомонно-бойкой жизнью, ему нет дела ни до религии, ни до искусства, ни до философии. Энергия ее основателей — исходное внутренне напряженной жизни города. Сам тон жизни в городе торжествующий и ликующий, и в нем определяющая черта — неугасимая жизненность. В Генуе, как ни удивительно, тоже заключен дух Италии, но это другая Италия. Автор определяет ее обликом Афродиты Пандемос, Афродиты простонародной. Здесь нет утонченности, высокой печали духовной культуры, Генуя грубее, приземленнее Флоренции, Феррары или Рима: «Здесьние корабли охотнее возили ткани, индиго, серебро, чем рукописи древних из Эллады» [3, 436]. Естественная простота и свобода его основателей неотделимы от напряжения и упорства, с которым они возводили город. В непрерывном движении и бесконечном деловом ритме города постепенно появляется новое, дающее надежду на нарождающуюся высокую духовность и культуру.

Образы Италии, жизнь ее городов и крестьянских селений являются выражением совершенного человеческого существования, светлого идеала цельной и полной в своих ощущениях жизни. Всматриваясь в жизнь современной Италии, в ее простые трудовые будни и праздничные дни, художник с глубокой симпатией отмечает общительный характер энергичных, полных энтузиазма итальянцев, простую веселость их нрава, легкую возбудимость, неиссякаемую жизненность и трудолюбие. Они любят жизнь и утверждают ее в своем повседневном труде, привнося радость в обыденные занятия. Контраст их материального состояния и более или менее натурального уклада представляет собой противоположность венецианской роскоши и римского величия. Но жизнь простых итальянцев, их нравственное здоровье, духовность, свобода — производное от той основы, имя которой культура. В итальянском цикле художника гармония между человеком и окружающим его миром воплощена в красоте природы и городского пространства, сельского пейзажа, в живом и тонком чувстве прекрасного, присущем простым горожанам и жителям приморских селений. Она не утрачена, несмотря на многие века, отдаляющие современных итальянцев от классической эпохи.

Италия внесла важные мотивы в творчество Б. Зайцева. Его «чувство Италии» — одно из самых светлых чувств и ощущений жизни. Прозрачная, «акварельная», светоносная проза художника 1900-х годов обогатилась новыми красками, колоритными оттенками. Книга сложна, полифонична, в ней не один смысловой пласт, она не просто передает впечатления, произведенные древними городами, их архитектурой и искусством. Это цикл, отразивший полноту бытия, чувство вечности и времени, практически неощутимого в своих границах, привнесший новое ощущение в авторское «чувство жизни», родившееся из итальянских путешествий автора, запечатленных на ограниченном текстовом пространстве.

Литература

1. Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. (6-7 тома допол.). М., 2000. Здесь и далее в тексте сноски на произведения писателя даются по указан. собр. соч.
2. Гаман Р. Импрессионизм. М., 1935. С. 83.
3. Романович А. Италия в жизни и творчестве Б.К. Зайцева // Русская литература. 1999. № 4. С. 60, 62.

